

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Постепенно оба путника поняли, что тьма застигнет их на лесной дороге, если вовремя не подыскать какое-нибудь укрытие. Такой денек мог бы прийтись по нраву разве что жабам да лысухам, а у представителей рода людского аж душа цепенела под этим низким серым небом и промозглым дождем. По заверениям и прогнозам погодных календарей, маю полагалось быть если и не беззаботно-веселым, то хотя бы щедрым на свет и тепло месяцем, но этот май уподобился мрачнолицему скряге, из экономии норовящему погасить все свечи даже в церкви.

С толстых ветвей, переплетавшихся в сорока футах над дорогой, струилась дождевая вода. Листья древних дубов и вязов, как и хвоя величавых сосен, казались скорее эбеново-черными, нежели зелеными; массивные стволы обросли длинными бородами мха и бурыми вздутиями древесных грибов размером с кулачище кузнеца. Как-то даже язык не поворачивался назвать дорогой то, что тянулось под ветвистым сводом; это больше походило на широкую грязевую нору со стенами цвета застарелой коросты, по ходу движения возникавшую из тумана, чтобы тотчас исчезнуть в тумане за спиной.

— Но! Н-но! — повторял возница, погоняя пару измотанных кляч, которые плелись в южном направлении, выпуская из ноздрей клубы пара и надсадно поводя костлявыми боками, когда деревянные колеса глубоко увязали в грязи.

Под рукой у возницы был небольшой, но сильно жалающий кнут, которым он, впрочем, не пользовался. Лошади — вместе с фургоном позаимствованные в муниципальных конюшнях

Чарльз-Тауна¹ — и без того тянули что было сил. Под насквозь промокшим тентом из коричневой мешковины, за козлами из грубо отесанных сосновых досок, уже всадивших не одну занозу в седалища путников, хранился багаж: два разномастных сундука, дорожный несессер и коробка с париками. Многочисленные царапины и вмятости на всех этих предметах свидетельствовали о перипетиях частых разъездов.

Гром рокотал прямо над их головами. Лошади с чавканьем вытягивали копыта из дорожного месива.

— Н-но, шевелись! — прикрикнул возница без всякого воодушевления и так неловко щелкнул вожжами, что избежал ссадин на собственных руках лишь благодаря холщовым перчаткам.

После этого он долго сидел молча, а капли дождя продолжали стекать с полей его раскисшей треуголки на иссиня-черный кастановый сюртук, уже порядком отяжелевший от впитанной влаги.

— Подменить вас, сэръ?

Возница взглянул на товарища по несчастью, готового взять бразды в свои руки. Даже при очень богатом воображении трудно было бы найти между ними хоть что-то общее. Вознице было пятьдесят пять лет, а его спутнику едва исполнилось двадцать. Старший был широк в кости, при багровом лице и массивной челюсти, а его густые седоватые брови подобно брустверам реду-та нависали над ледянисто-голубыми глазами, дружелюбия в которых было не больше, чем в дулах заряженных пушек, глядящих из амбразур. Что до носа возницы, то деликатный англичанин назвал бы его «не обделенным размерами», а бесцеремонный голландец не преминул бы пройтись насчет ищейки-бладхаунда, предположительно затесавшейся среди предков его обладателя. Подбородок воистину скульптурной формы, казалось, был вытесан из цельного кирпича с добавлением ямочки, в которую запросто поместилась бы мушкетная пуля. Обычно это лицо было чисто выскоблено тщательными проходами бритвы, но сейчас на нем уже проступала щетина цвета соли с перцем.

¹ *Чарльз-Таун* — старейший город современного штата Южная Каролина (в прошлом столица более обширной колонии Каролина), при основании в 1670 г. названный в честь короля Карла II. В 1783 г. это название было изменено на Чарлстон. — *Здесь и далее примеч. перев.*

— Да, — сказал возница. — Сделай одолжение.

Он передал вожжи соседу (каковые обмены случались уже многократно за последние несколько часов) и начал разминать затекшие пальцы.

Аскетичному, вытянутому лицу молодого человека явно был привычнее свет кабинетных ламп, нежели лучи солнца. Он был худ, но не хрупок — под стать упругой и гибкой садовой лозе. Наряд его состоял из тупоносых башмаков, белых чулок, оливкового цвета бриджей и облегающей коричневой куртки из дешевого казимира¹ поверх белой полотняной рубашки. Заплаты на коленях бриджей и на локтях куртки обновлялись как минимум не реже, чем аналогичные заплаты на одеянии его спутника. Шерстяная шапка мышинного цвета покрывала тонкие черные волосы, недавно остриженные почти под корень в процессе борьбы со вшами, заполонившими Чарльз-Таун. Все в этом юноше — нос, подбородок, скулы, локти, колени — казалось составленным из острых углов. Серые глаза с темно-синими крапинками — словно дым над костром в сумерки. Он не стегал лошадей и не погонял их криком, а только правил вожжами. По натуре он был, пожалуй, стоиком, — во всяком случае, он умел ценить это качество, ибо в своей жизни уже прошел через испытания, вполне способные сломить людей менее стоического склада.

Продолжая разминать руки, старший невесело думал, что, если ему удастся пережить эту поездку и дотянуть до пятидесяти шести лет, он уйдет на покой и посвятит остаток своих дней добрым делам во славу Господа. Он не был скроен из грубой материи пионеров фронта, полагая себя человеком утонченного вкуса, горожанином до мозга костей, малоприспособленным для странствий по диким дебрям. Его сердце радовали ровная кирпичная кладка и ярко окрашенные заборы, благостная симметрия подстриженных живых изгородей и предсказуемая регулярность обходов фонарщика. Он был цивилизованным джентльменом. Но сейчас дождевая вода текла ему за шиворот и хлюпала в сапогах, сумерки сгущались, а для защиты багажа и своих скальпов они располагали одной только ржавой саблей. В конце слякотного пути их ждало поселение, именуемое Фаунт-Ройал, но и этот

¹ *Казмир* — плотная полушерстяная ткань для верхней одежды, некогда широко распространенная, но в XIX в. постепенно вышедшая из употребления.

факт утешал лишь отчасти. Дело, по которому они туда направлялись, было, увы, не из приятных.

Наконец-то погода проявила хоть немного милосердия к путникам. Дождь начал ослабевать, раскаты грома постепенно отдалялись. Старший пришел к выводу, что их задело только краем грозы, в полную силу бушевавшей над морем, пенистый серый простор которого изредка мелькал в просветах между деревьями. Однако противная морось по-прежнему секла их лица. Клоузы тумана обволакивали ветви, придавая лесу фантазмагорический облик. Ветер стих, и одновременно стал явственнее ощущаться густой болотно-зеленый смрад.

— Вот вам и каролинская весна, — пробормотал старший сильным голосом, но с мелодичным акцентом, унаследованным от нескольких поколений благородных английских предков. — К лету на кладбище высадят много новых цветов.

Младший ничего не ответил, хотя никак не смог отделаться от мысли, что они оба вполне могут стинуть на этой дороге — просто исчезнуть по злой прихоти судьбы, как исчез где-то здесь же мировой судья Кингсбери; а ведь с той поры еще и двух недель не минуло. Нельзя было не считаться с тем фактом, что эти леса кишели кровожадными индейцами и всевозможным хищным зверьем. Даже завшивленный и чумной Чарльз-Таун казался райской обителью по сравнению с этой сырой зеленой преисподней. Основатели Фаунт-Ройала, должно быть, все поголовно свихнулись, когда решили поселиться в таком месте, подумал он.

С другой стороны, всего двадцать лет назад на месте Чарльз-Тауна стоял такой же первозданный лес. А теперь там был настоящий город с оживленным портом. Кто знает, каким станет со временем и этот Фаунт-Ройал? Хотя ни для кого не было секретом, что на каждый преуспевший Чарльз-Таун приходились десятки менее удачливых, а то и вовсе вымерших поселений. Та же участь вполне могла постигнуть и Фаунт-Ройал, но пока что он представлял собой живую реальность — чью-то мечту, воплощенную в жизнь тяжким трудом, — а посему тамошнюю проблему следовало решить способом, принятым в цивилизованном обществе. И все так же без ответа оставался вопрос: что случилось с мировым судьей Кингсбери, который ехал из Чарльз-Тауна в Фаунт-Ройал этой самой дорогой, но так и не прибыл в пункт назначения? Старший еще перед отбытием из Чарльз-

Тауна высказал на сей счет ряд предположений — от засады индейцев или банды грабителей до поломки фургона с последующим нападением хищников, — но молодой человек этим не удовлетворился. Ибо, хотя нос его напарника и смахивал на нос ищейки, нюхом ищейки был наделен как раз младший. И любое сомнение, как слабый остаточный запах, заставляло его подолгу сидеть в раздумьях перед одинокой свечой, когда старший уже давно храпел в своей спальне.

— Что там такое?

Рука в серой перчатке поднялась и ткнула пальцем в туман перед ними. Спустя мгновение и младший заметил то, на что указывал его спутник: скат крыши справа от дороги. Крыша была темно-зеленой, что вкупе с чернотой мокрых стен делало строение почти незаметным среди точно так же окрашенного леса. Это место могло оказаться безлюдным подобно той фактории, где они несколькими часами ранее надеялись перекусить и дать отдых лошадям, но обнаружили только обугленные руины. Однако здесь был налицо обнадеживающий признак: над каменной трубой вился белый дымок. Туман чуть рассеялся, открыв их взорам очертания неказистой бревенчатой хижины.

— Жилье! — воскликнул старший с радостным облегчением. — Господь к нам милостив, Мэтью!

Вероятно, хижину построили совсем недавно, чем и объяснялось ее отсутствие даже на самых подробных картах этой местности. Чем ближе они подъезжали, тем сильнее ощущался запах свежих сосновых бревен. Мэтью не мог не отметить — хотя в данной ситуации это пахивало черной неблагодарностью, — что мастерство и усердие строителей оставляли желать много лучшего. Просветы между плохо подогнанными бревнами были небрежно залеплены красной глиной. Печная труба в большей мере состояла из той же глины, чем из каменной кладки, и дым струйками сочился сквозь боковые щели. Крыша была посажена вкривь и вкось, оттого напоминая сдвинутую набекрень шляпу забулдыги. Ни краски, ни каких-либо резных украшений на фасаде не наблюдалось, а узкие окошки были закрыты примитивными дощатыми ставнями. Чуть поодаль показалось еще одно убогое строение — видимо, сенной сарай, — рядом с которым в загоне стояли три лошади с провислыми спинами. В соседнем загоне хрюкали и фыркали, мяся зловонную жижу, с полдюжи-

ны свиней, а вдоль изгороди гордо расхаживал рыжий петух в сопровождении нескольких мокрых кур и выводка задрипанных цыплят.

На зеленой сосновой табличке, прибитой к столбу рядом с коновязью, густой белой краской была намалевана надпись: «ТРАКТИР И ФАКТОРИЯ».

— Так это еще и трактир! — промолвил старший и взял вожжи из рук Мэтью, как будто это могло каким-то образом ускорить их продвижение к заветной цели. — Значит, можно рассчитывать на горячий ужин!

Одна из лошадей в загоне у сарая громко заржала; тотчас рывком отворился ставень, и на приезжих воззрилось едва различимое в полумраке лицо.

— Добрый день! — обратился к нему старший. — А мы уж и не чаяли найти приста...

Ставень захлопнулся.

— ...нице, — закончил он.

Между тем клячи доплелись-таки до коновязи.

— Тпру! Стой! — скомандовал он, все еще не отрывая взгляда от закрытого окна. — А трактирщик не слишком-то гостеприимен. Но раз уж мы сюда прибыли, здесь мы и сделаем остановку, не так ли, Мэтью?

— Да, сэр, — откликнулся тот не очень уверенным тоном.

Старший слез с козел фургона, по щиколотку погрузившись в грязь. Пока он приматывал вожжи к коновязи, спустился и Мэтью. Даже с учетом двухдюймовой слякоти под ногами, сразу стало заметно, что это на редкость высокий молодой человек: при росте в пять футов десять дюймов¹ он на добрых три дюйма превосходил своего напарника, который был в этом отношении «среднячком».

Лязгнул открываемый засов. Дверь хижины распахнулась настежь, даже с какой-то нарочитой эффектностью.

— Добрый день! Добрый день! — произнес стоявший на пороге мужчина.

Одет он был в невесть чем запятнанную куртку оленьей кожи, коричневую рубаху и серые полосатые бриджи. Над голенищами коротких сапог полоской виднелись кричаще-яркие

¹ Прибл. 178 см.

желтые чулки. От уха до уха на его круглом, как каштан, лице растянулась улыбка, обнажая кривые пеньки зубов.

— Входите, обогрейтесь!

— Добрым этот день я не назвал бы, а вот погреться у камелька нам уж точно не помешает.

На крыльцо вели две ступеньки. Трактирщик шагнул в сторону, уступая дорогу и одновременно придерживая дверь. Еще не дойдя до него, путники успели пожалеть, что аромат смолистого дерева все же не настолько силен, чтобы перекрыть зловоние невымытого тела и грязной одежды хозяина.

— Эй, девка! — крикнул он кому-то в глубине комнаты в тот самый момент, когда ухо Мэтью, как назло, очутилось напротив его смердящего рта. — Подкинь еще дров, да пошустрее!

Дверь закрылась за их спинами, и вместе с тем пропал свет. Здесь было так темно, что путники могли разглядеть только мерцающие язычки красного пламени в очаге. При этом не весь дым уходил в трубу — значительная часть его оставалась внутри и грязно-серыми слоями висела под потолком. У Мэтью было ощущение, что рядом передвигаются еще какие-то фигуры, но дым разъедал глаза, мешая им привыкнуть к темноте. В спину ему уперлась шишковатая ладонь.

— Двигайте дальше! — пригласил трактирщик. — Погрейте свои косточки!

Они начали продвигаться к очагу. По пути Мэтью сослепу наткнулся на угол стола. Кто-то невидимый что-то сказал глуховатым голосом, кто-то другой рассмеялся, но смех тут же перешел в надрывный кашель.

— Где ваши манеры, чертово семя?! — рявкнул трактирщик. — Нонче у нас в гостях джентльмены!

Старший из путников также прокашлялся, пытаясь очистить легкие от едкого дыма. Вступив в полукруг красноватого света от очага, он стянул мокрые перчатки; глаза его слезились.

— Мы с раннего утра в пути, — произнес он. — Едем из Чарльз-Тауна. Были готовы увидеть краснокожих, а теперь видим, что здесь есть и белые.

— Оно верно, сэр, эти краснокожие чертяки рыщут по всей округе. Но увидеть их вы сподобитесь, токо кады они сами вздумают показаться. Я Уилл Шоукомб. Держу этот трактир и факторию.

В этом чаду старший не столько разглядел, сколько угадал, что ему протягивают руку. Он в ответ протянул свою и пожал жесткую, как квакерское седло, ладонь.

— Меня зовут Айзек Вудворд, — представился он в свою очередь. — А это Мэтью Корбетт.

Он кивком указал на молодого человека, в ту минуту занятого растиранием своих оочоженевших пальцев.

— Прямиком из Чарльз-Тауна, сталбыть? — Шоукомб не спешил отпускать руку гостя. — Ну и как оно там?

— Пока что терпимо. — Вудворд наконец высвободил руку, стараясь не думать о том, как долго придется ее отмыть, чтобы избавиться от грязи и вони. — Хотя последние недели как-то не задались. Бросает то в жар, то в холод. Испытание не для слабых духом.

— Вот и здесь от дождей спасу нет, — заметил Шоукомб. — Иной раз поутру всюю парит, а на другое утро колотун невмоготу.

— Конец света грядет, не иначе, — прозвучал из темноты все тот же глуховатый голос. — Когда еще мы кутались в одеяла на исходе весны? Про такую погоду говорят, что в это время Дьявол лупит свою женушку.

— Захлопни-ка пасть! — Буравчики темных маленьких глаз Шоукомба вонзились в говорившего. — Тоже мне знаток!

— Я читаю Библию, и мне ведомо слово Божье! Это конец времен, настала пора всякой нечисти, так-то вот!

— Ежели сей миг не заткнешься, я тебе живо вправлю мозги!

В мерцающем красном свете углей лицо Шоукомба исказила гримаса еле сдерживаемой ярости. Вудворд оценил габариты дюжего трактирщика: рост пять футов шесть дюймов, широченные плечи и грудная клетка объемом с пивную бочку. Добавьте к этому темно-русую, с проседью, гриву и многодневную пегую щетину по всей физиономии, и вы получите портрет человека, с которым вам вряд ли захочется вступать в конфликт. Что до его нахрапистых манер и вульгарного акцента, то в этом плане — по догадке Вудворда — он все еще недалеко ушел от докерских кварталов в низовьях Темзы.

Сквозь проплывающие клубы дыма оба, Вудворд и Мэтью, попытались разглядеть знатока Библии, каковым оказался скрюченный белобородый старикашка, сидевший за одним из колче-

ногих столов в трактирном зале. Глаза его краснели отраженным светом очага, как раздутые угли.

— Еще разок услышу эту ахинею, и тады пеняй на себя! — пригрозил ему Шоукомб.

Старик открыл было рот с намерением ответить, но ему хватило ума воздержаться от этого. А когда Вудворд снова взглянул на трактирщика, тот уже смущенно улыбался, давая понять, что вспышка гнева миновала.

— Это мой дядюшка Эбнер, — заговорщицким шепотом пояснил Шоукомб. — У него котелок прохудился вконец.

Новая фигура возникла из сумрака и протиснулась между Вудвордом и Мэтью к широкому зеву очага с обрамлением из закопченных камней. Щуплая и низкорослая — вряд ли выше пяти футов, — она была облачена в заплатанную шерстяную сорочку болотного цвета, а по спине ее рассыпались длинные темные волосы. В огонь были подкинута толстое сосновое полено и охапка веток с шишками и хвоей. Стало светлее, и перед Мэтью возник бледный профиль девушки с удлинненным подбородком и свисающими на лицо нечесаными прядями. Даже не взглянув в его сторону, она быстро развернулась и исчезла в темноте.

— Мод! Ты чего там расселась? А ну быстро подай рома джентльменам!

Это распоряжение было адресовано еще одной женщине, сидевшей рядом со стариком. Послышался скрип стула, передвижаемого по неровному дощатому полу, затем отрывистый кашель и хриплый вздох, после чего Мод — тощее седовласое привидение в балахоне, сшитом из пары джутовых мешков, — кряхтя и бормоча, проковыляла через комнату к двери рядом с очагом.

— Боже, спаси наши задницы! — проорал Шоукомб вслед этому жалкому существу. — Можно подумать, тут вовек не бывало живых гостей, охочих до жратвы и выпивки! Это ж трактир как-никак, иль ты о том ни сном ни духом?! — Он повернулся к Вудворду и резко сменил тон. — Вы ведь заночуете у нас, сэр? Для вас найдется удобная комната, и стоять это будет сущие гроши. Есть кровать с отменно мягким матрасом, чтобы спина отдохнула после долгой поездки.

— Можно вопрос? — поспешил вмешаться Мэтью прежде, чем его спутник среагирует на это предложение. — Далеко ли отсюда до Фаунт-Ройала?

— До Фаунт-Ройала? Дотудова, молодой господин, езды будет часа два-три — но это по сухой дороге. А в такую погоду оно выйдет вдвое дольше, как пить дать. Да и стемнеет уже скоро. Никому не пожелаю напороться на Одноглаза или краснокожего дикаря посреди ночи, да еще без факела и мушкета. — Шоукомб опять переключил внимание на старшего. — Ну так что, остаетесь ночевать?

— Да, конечно. — Вудворд начал расстегивать мокрый тяжелый сюртук. — Глупо будет ехать дальше в темноте.

— Надо думать, при вас есть поклажа? — Любезная улыбка миг сошла с его лица при повороте головы в другую сторону. — Эбнер! Оторви зад от стула и принеси сюда их вещи! Девка, и ты иди с ним!

До того момента девушка неподвижно стояла у дальней стены, опустив голову и скрестив на груди оголенные по локоть руки. Она не издала ни звука, но по команде Шоукомба двинулась к входной двери. На ней были высокие, до колен, сапоги из оленьих шкур.

— В такую погоду даже свиней на улицу не выгоняют! — протестовал Эбнер, будто приросший к своему стулу.

— Свинью я пожалел бы, а для старого хряка вроде тебя погодка в самый раз! — отрезал Шоукомб, снова используя свой буравящий взгляд. — Живо встал и — за работу!

Недовольно бурча себе в бороду, Эбнер поднялся и побрел вслед за девушкой с такой мучительной медлительностью, словно его ноги были изувечены какой-то ужасной болезнью.

Мэтью уже было собрался выяснить у трактирщика, кто такой этот Одноглаз, однако не смог примириться с мыслью, что девушка и старик — в особенности девушка — будут таскать их тяжелые сундуки.

— Надо им помочь, — сказал он и шагнул в сторону двери, но Шоукомб ухватил его за руку ниже локтя.

— Не стоит. Эти нахлебники бьют баклуши днями напролет, совсем обленились. Пусть разомнутся, хотя бы свой ужин отработают.

Мэтью помедлил, глядя ему прямо в глаза. То, что он там увидел — дремучее невежество, мелочную жадность и, очень возможно, бездумную жестокость, — вызывало дурноту. Он уже неоднократно встречал этого человека — в других облициях, ра-

зумеется, — и сразу понял, что перед ним злобный выродок, получающий удовольствие от унижения и травли тех, кто слабо телом или нетверд умом. От него не ускользнул и мимолетный проблеск во встречном взгляде, — похоже, Шоукомб догадался о произведенном им впечатлении. А это значило, что он был не так прост, как поначалу показалось Мэтью. Трактирщик слегка улыбался — точнее, кривил рот в подобии улыбки. Понемногу наращивая усилие, Мэтью попытался освободиться, но Шоукомб, все так же улыбаясь, его не отпускал.

— Как я сказал, им нужно помочь, — повторил Мэтью.

Трактирщик не ослаблял хватку. Между тем Вудворд, все это время пытавшийся стянуть с себя сюртук, наконец-то обратил внимание на маленькую драму, которая разыгрывалась прямо перед ним.

— Да, — сказал он, — полагаю, им потребуется помощь с переноской сундуков.

— Ладно, как скажете, сэр. — Шоукомб тотчас выпустил руку юноши. — Я бы и сам помог, да только спина уже ни к черту. Бывало, тяжеленные мешки ворочал в порту на Темзе, ну и надорва...

Мэтью хмыкнул и, не дослушав его речь, вышел из трактира в синеватые сумерки, на свежий прохладный воздух, теперь казавшийся благословением. Старик уже держал в руках коробку с париками Вудворда, а девчонка обогнула фургон и пыталась взвалить себе на спину один из сундуков.

— Погодите, — сказал Мэтью, шлепая по грязи. — Я помогу.

Он ухватился за одну из кожаных ручек, и в тот же миг девчонка шарахнулась от него, как от прокаженного. При этом ее сторона сундука шмякнулась в грязь, а сама она замерла под дождем, ссутулившись, с налившимися на лицо мокрыми волосами.

— Ха! — фыркнул Эбнер. Кожа у него была тускло-серой, цвета мокрого пергамента, что стало заметно при естественном освещении. — Говорить с ней без толку, еще никто от нее ни слова не дождался. Да она, почитай, уже одной ногой в Бедламе.

— А как ее зовут?

Эбнер помолчал, задумчиво морща покрытый струпьями лоб.

— Девкой и зовут, — ответил он наконец и захохотал с таким видом, словно только что услышал наиглупейший вопрос в своей жизни, после чего унес коробку в дом.

Мэтью повернулся к девушке. Та уже начала трястись от холода, но по-прежнему не издала ни звука и не подняла взгляд от грязевой лужи между ними. Он понял, что придется тащить сундук в одиночку — да и второй, скорее всего, тоже, поскольку на Эбнера надежды было мало. Он посмотрел на небо сквозь ветви окружающих деревьев. В лицо ударили струи дождя, который к тому времени вновь усилился. Не было смысла стоять здесь, утопая в слякоти, и сетовать на судьбу, занесшую его в эту глухомань. С ним случались неприятности и похуже, да и от новых нельзя было зарекаться. А девчонка — кто знает ее прошлое? Да и кого оно может интересовать? Никого. Тогда и ему что за дело? Он поволок сундук по грязи, но перед самым крыльцом остановился.

— Ступай в дом, — сказал он девчонке. — Я сам занесу остальное.

Она не сдвинулась с места. Мэтью предположил, что она так и будет стоять, пока ее не подстегнет очередной окрик Шоукомба.

Впрочем, это была не его забота. Он втолкнул сундук на крыльцо и, прежде чем перенести его через порог, в последний раз оглянулся. Теперь девчонка распрямилась, запрокинула голову, широко развела руки и, зажмурившись, ловила открытым ртом дождевые капли. И он подумал: может быть, при всем ее безумии, она таким манером пытается смыть запах Шоукомба со своей кожи.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Весьма досадное упущение, — сказал Айзек Вудворд после того, как Мэтью заглянул под жалкое подобие кровати с соломенным тюфяком и не обнаружил ночного горшка. — Уверен, они просто недоглядели.

Мэтью уныло качнул головой:

— Я ожидал чего-то более приличного. Даже на сеновале мы смогли бы устроиться лучше.

— Как-нибудь и здесь переживем одну ночевку. — Вудворд повел подбородком в сторону единственного окошка, в закрытый ставень которого настойчиво стучался дождь. — А могли бы и не пережить эту ночь, отправься мы дальше в такую погоду. Так что нам грех жаловаться, Мэтью.

Засим Вудворд вернулся к процессу переодевания. Открыв сундук, он поочередно выудил оттуда свежую льняную рубашку, чистые чулки и светло-серые бриджи, аккуратно раскладывая все это поперек постели и следя, чтобы материя не зацепилась за какой-нибудь гвоздь или щепку. Сундук Мэтью также был открыт, и чистая одежда лежала наготове. Одно из правил Вудворда гласило: независимо от их местонахождения и прочих обстоятельств, к трапезе они всегда должны выходить одетыми как цивилизованные люди. Мэтью не видел особого смысла в том, чтобы всякий раз наряжаться таким кардиналом — особенно перед каким-нибудь скудным ужином, — однако он мог понять Вудворда, без соблюдения таких условностей не ощущавшего себя достойным членом общества.

Вудворд взял подставку для париков и водрузил ее на низкий столик, наряду с кроватью и сосновым стулом составляв-

ший всю меблировку комнаты. Затем на эту круглую болванку был надет один из трех его париков: нейтрального каштанового цвета, с буклями почти до плеч. Далее, при свете чадающей свечи в кованом потолочном подсвечнике, Вудворд приступил к осмотру своей лысины в зеркальце с серебряной оправой, проделавшем вместе с ним путешествие из самой Англии. Его белый череп был испещрен красноватыми пигментными пятнами, каковое зрелище всегда очень расстраивало Вудворда. Уши были опушены жидкой седой порослью. Он разглядывал свои возрастные пятна, стоя посреди комнаты в нижнем белье; круглое брюшко нависало над поясом подштанников, бледные ноги были тощими, как у цапли. Послышался тихий горестный вздох.

— Годы... — промолвил он. — Годы не щадят никого. Всякий раз, глядя в это зеркало, я нахожу новые поводы для огорчения. Береги свою молодость, Мэтью. Это величайшая ценность.

— Да, сэр.

Ответ прозвучал по-будничному невыразительно. Эта тема была далеко не новой для Мэтью, ибо Вудворд нередко впадал в лирику, рассуждая о печальных признаках старения. Мэтью начал надевать через голову чистую белую рубашку.

— А ведь когда-то я был хорош собой, — продолжил Вудворд. — Я был красив. — Он повернул зеркало под другим углом, исследуя возрастные пятна. — Красив и тщеславен. А сейчас осталось только тщеславие, увы.

Он пригляделся. Кажется, пятен стало больше с тех пор, как он их в последний раз пересчитывал. Да, определенно больше. Значит, больше и напоминаний о бренности бытия, об отведенном ему времени, утекающем, как вода из худого ведра. Резким движением он убрал зеркало в сторону.

— Сдаю помаленьку, не так ли? — обратился он к Мэтью с еле заметной улыбкой. — Можешь не отвечать. Сегодня обойдемся без самообличений. Эх, где моя былая гордость?

Он снова полез в сундук и на сей раз — с превеликой осторожностью и даже благоговением — извлек оттуда камзол. Но отнюдь не простой камзол. Темно-коричневый — цвета густого французского шоколада, — с подкладкой из превосходного черного шелка. Он был украшен тонкими полосками золотой тесьмы, которая заблестела отраженным светом, когда Вудворд расправил камзол, двумя руками подняв его перед собой. Такая же тесьма обрамляла два небольших полускрытых кармана, а все

пять пуговиц были вырезаны из слоновой кости, которая с течением лет приобрела грязновато-желтый оттенок, но все же оставалась благородной слоновой костью. Замечательный наряд, реликвия из прошлой жизни Вудворда. Впоследствии бывали дни, когда его рацион состоял только из сухарей и диких ягод, когда в его кладовой — как и в его карманах — гулял ветер, но и тогда ему даже в голову не приходило продать камзол на рынке Чарльз-Тауна, хотя за него можно было бы выручить весьма приличную сумму. Эта вещь напоминала о его прежнем статусе состоятельного джентльмена, и Вудворду не раз случалось засыпать, прижимая к груди камзол как будто в надежде, что тот навеет сны о более счастливых лондонских временах.

Прямо над хужиной грянул раскат грома. Мэтью обнаружил протечку в одном из углов комнаты: вода сбегала по неотесанным бревнам и лужицей скапливалась на полу. Он также заметил тут и там крысиный помет и по размерам кучек предположил, что местные грызуны могут быть даже крупнее своих городских сородичей. Посему он решил попросить у Шоукомба дополнительную свечку и держать ее под рукой; а вздремнуть, если это удастся вообще, можно будет и сидя.

Пока Мэтью облачался в темно-синие брюки и черный сюртук, Вудворд натянул чулки, серые бриджи — несколько жавшие в поясе — и белую рубашку. Затем сунул ноги в сапоги, по возможности очищенные от грязи, после чего надел и застегнул свой драгоценный камзол. Настал черед парика, затем подправленного перед ручным зеркальцем. Вудворд ощупал лицо, проверяя, насколько чисто он побрился над тазиком с дождевой водой, которую Шоукомб принес им для умывания. Последним предметом одежды был бежевый сюртук — порядком измятый, но стойко перенесший не одно путешествие. Мэтью пригладил щеткой непокорный ежик черных волос, и наконец оба гостя были готовы к встрече с хозяином.

— Входите и располагайтесь! — возгласил Шоукомб, когда Вудворд и Мэтью показались в дверях общего зала.

Дыма здесь не поубавилось, — напротив, он стал еще более густым и едким. Сумрак отчасти рассеивался несколькими свечами, а перед очагом Мод и девчонка суетились у булькающего котла, подвешенного на крюке над багровыми углями. Шоукомб стоял посреди комнаты с объемистой деревянной кружкой рома в руке; другой рукой он сделал жест, приглашающий посто-

яльцев к столу. По тому, как он сохранял — точнее, пытался сохранить — равновесие, было видно, что напиток уже возымел свое действие. Он оглядел вошедших и громко, с нарастающей силой, присвистнул.

— Боже, харкни в короля, это что, всамделишное золото?

Вудворд не успел податься назад, и грязная пятерня трактирщика, дотянувшись до камзола, заскользила по золотой тесьме.

— И сукнецо первостатейное! Эй, Мод, ты только глянь! Да он весь разодет в золото, ты хоть раз видала такое?

Старуха — чье лицо при свете очага напоминало маску из растрескавшейся глины, отчасти прикрытую длинными белыми космами, — оглянулась через плечо и издала ряд звуков, которые могли быть как невнятной репликой, так и просто сиплым клекотом. После этого она вернулась к своему занятию, помешивая варево и бормоча какие-то распоряжения или упреки в адрес девушки.

— Да вы важные птицы, как я погляжу! — заявил Шоукомб с широкой ухмылкой, которая напрашивалась на сравнение с рваной раной от удара тесаком. — Золотой павлин и черный дрозд, ни дать ни взять! — Он выдвинул стул из-за ближайшего стола. — Садитесь и расправляйте свои перышки!

Вудворд, чье достоинство было задето этой выходкой, взял другой стул и опустился на него со всем аристократическим изяществом, на какое только был способен. Мэтью садиться не стал и, глядя в лицо Шоукомбу, произнес:

— Ночной горшок.

— Чаво? — Кривая ухмылка застыла на физиономии трактирщика.

— Ночной горшок, — повторил молодой человек. — У нас в комнате его нет.

— Горшок, значит. — Шоукомб приложился к своей кружке, и ромовый ручеек сбежал по его подбородку. Ухмылка исчезла, а зрачки сузились до размеров булавочной головки. — Ночной, черт раздери, горшок? А лес вокруг чем вам плох? Коль приспичит отлить или продристаться, шпарьте туда. Зады можно листьями подтереть. А сейчас давайте к столу, ужин почти готов.

Мэтью остался стоять. Сердце его забилось быстрее. Он физически ощущал напряжение, которое повисло в воздухе между ними и стесняло дыхание так же, как и этот едкий дым. Вены на

толстой шее трактирщика вздулись, набухая кровью, а на лице читался злобный вызов: он явно хотел, чтобы Мэтью его ударил и тем самым нарвался на ответ, куда более сильный и яростный. Пауза затягивалась, Шоукомб ждал следующего хода Мэтью.

— Успокойся, — негромко произнес Вудворд и взял Мэтью за рукав. — Присядь.

— В гостевой комнате должен быть ночной горшок, — упорствовал Мэтью, продолжая игру в гляделки. — Или хотя бы простое ведро.

— Мой юный господин... — Теперь голос Шоукомба сочился фальшивым сочувствием. — Вам пора бы уразуметь, где находитесь. Это не королевский дворец, и о культурных обхождениях тут никто сроду не слыхивал. У себя в Чарльз-Тауне вы, может, и привыкли тужиться над расписными вазами, но здесь мы это делаем за сараем, так уж оно повелось. И потом, вы ж не хотите, чтобы юная девица убирала за вами дерьмо. — Он насмешливо поднял брови. — Это будет как-то не по-джентльменски.

Мэтью молчал. Вудворд тянул его за рукав, сознавая, что по такому поводу в драку лезть негоже.

— Мы как-нибудь обойдемся без горшка, мистер Шоукомб, — сказал Вудворд, когда Мэтью неохотно последовал его призыву и сел. — Так что у нас сегодня на ужин?

«Бах!» — громкий, как пистолетный выстрел, хлопок заставил их подпрыгнуть на стульях. Они повернулись в сторону очага, откуда донесся звук, и увидели старуху с увесистым деревянным молотком в руке.

— Застукала тварюку! — прохрипела карга и торжествующе подняла другую руку, двумя пальцами держа за кончик хвоста большую черную крысу с перебитой спиной, еще дергавшуюся в предсмертных конвульсиях.

— Ну так и сбagri ее с глаз долой! — распорядился Шоукомб.

Вудворд и Мэтью уже были готовы к тому, что добыча отправится в общий котел, однако же старуха добрела до окна, открыла ставень и выбросила полудохлого грызуна в штормовую тьму.

Распахнулась дверь, и в проеме возникла крыса иной породы, вместо хвоста волоча за собой шлейф ругательств и проклятий. Дядюшка Эбнер промок насквозь, вода капала с его бороды и одежды, а сапоги были покрыты толстым слоем грязи.

— Конец треклятого света, вот что это такое! — объявил он, закрыв дверь на засов. — Скоро всех нас смоеет с лица земли, помяните мое слово!

— Ты задал корм лошадям?

Ранее Шоукомб приказал Эбнеру разместить лошадей и фургон путников под навесом у сарая, а также позаботиться о трех других клячах с провислыми спинами.

— Знамо дело.

— Не напорточил в этот раз? Ежели снова бросил их под дождем, я твой пердак на ремни порежу!

— Да в сарае они этом чертовом, а ты посмоктай мой стручок, коль не веришь на слово!

— Следи за пастью, покудова я ее не заштопал! А ну, бегом принес этим джентльменам рома!

— Больше с места не сдвинуся! — взвыл старик. — И так уже промок до самой селезенки!

— Лично я предпочел бы эль, — сказал Вудворд, вспоминая, как недавно чуть не сжег себе глотку, угостившись ромом Шоукомба. — Или чай, если он у вас есть.

— И я тоже, — сказал Мэтью.

— Ты слышал этих джентльменов! — напустился трактирщик на своего горемычного дядюшку. — Быстро носи эль! Самый лучший, какой есть в доме! Бегом, я сказал!

Он сделал пару шагов к старику, угрожающе поднимая тяжелую кружку как будто с намерением раскроить череп Эбнера, и попутно облил своих гостей вонючей жидкостью. Мэтью мрачно взглянул на Вудворда, но тот лишь покачал головой, не желая участвовать в этой пошлой комедии. Подмоченная бравада дядюшки спасовала перед гневом племянника, и Эбнер спешно отбыл в кладовую, напоследок грязно, со всхлипом выругавшись.

— Кой-кому нужно порой напоминать, кто в доме хозяин! — заявил Шоукомб, выдвигая стул и без приглашения подсаживаясь к путникам. — Прошу меня понять, джентльмены! Я здесь куда ни гляну, всюду вижу только недоумков!

«В том числе и в зеркале», — про себя добавил Мэтью.

Вудворд поерзал на стуле.

— Не сомневаюсь, что управляться с трактиром — дело очень хлопотное.

— Воистину так, видит Бог! Здесь бывают проезжие, но их совсем не густо. Пробавляюсь кой-какой торговлишкой с трапперами да индейцами. Правда, я тут осел недавно, всего месяца три-четыре тому.

— Вы сами построили этот дом? — спросил Мэтью, уже заметивший в зале с полдюжины мест, где бодрая капель свидетельствовала о прорехах в крыше.

— Своими руками. Каждое бревно, каждую доску.

— И больная спина не помешала вам валить лес и поднимать бревна?

— Какая больная спина? — озадачился Шоукомб. — О чем вообще речь?

— Я о спине, которую вы надорвали, ворочая тяжелые мешки. Вы же сами рассказывали о своей работе в порту на Темзе. Я так понял, что полученная травма не позволяет вам поучаствовать в переноске... к примеру... обычных дорожных сундуков.

Лицо Шоукомба окаменело. Прошло несколько секунд, и показался кончик языка, облизнувший нижнюю губу. Трактирщик вымученно улыбнулся.

— Ах да, — медленно проговорил он, — моя спина. Что ж... у меня был напарник. Он-то и корячился с бревнами. Еще мы наняли пару-другую краснокожих и расплатились с ними побрякушками. Я это к тому, что... у меня ломит спину больше в сырую погоду. А в иные дни я как огурчик.

— А где теперь ваш напарник? — поинтересовался Вудворд.

— Заболел, — последовал быстрый ответ. При этом трактирщик по-прежнему смотрел на Мэтью. — Лихоманка скрутила. Совсем измаялся бедолага и под конец уехал в Чарльз-Таун.

— А почему он не отправился в Фаунт-Ройал? — продолжил Мэтью. В нем уже пробудился инстинкт ищейки: что-то здесь было нечисто. — Ведь там тоже есть доктор, не так ли?

— Знать не знаю, отчего да почему. Вы спросили, я ответил. Он уехал в Чарльз-Таун.

— Вот! Этого добра у нас довольно, чтоб упиться вусмерть!

Две деревянные кружки, налитые до краев, брякнулись на середину стола, после чего Эбнер — продолжая бормотать проклятья — пошел обсыхать к очагу.

— Это суровый край, — задумчиво молвил Вудворд, стараясь снять напряжение, возникшее между двумя его соседями за

столом. Он подвинул к себе одну из принесенных кружек и с досадой обнаружил на поверхности эля маслянистую пленку.

— Это суровый *мир*, — поправил его Шоукомб и только теперь отвел взгляд от Мэтью. — Выпьем, джентльмены.

И он припал к своей кружке.

Вудворд и Мэтью проявили разумную осторожность, сначала лишь пригубив это пойло, и были сполна вознаграждены за такой недостаток смелости. Судя по вкусу, эль варили из перебродивших кислых яблок, а крепость была такова, что у обоих свело челюсти и перехватило дыхание. Вдобавок у Мэтью слезы навернулись на глаза, а у Вудворда защищало под париком — должно быть, выступила испарина. Тем не менее оба проглотили жидкость.

— Этот эль я достаю у индейцев. — Шоукомб вытер губы тыльной стороной ладони. — Ежели перевести с их языка, его название означает «змеиный укус».

— Я и впрямь чувствую себя укушенным, — заметил Вудворд.

— Второй глоток пойдет не в пример легче. А кто ополовинит кружку, заделается рыкающим львом или же заблеет, как агнец. — Шоукомб отхлебнул еще и прополоскал рот ромом, прежде чем его проглотить. Затем водрузил ноги на край столешницы и откинулся на спинку стула. — А позвольте узнать, по какому делу вы едете в Фаунт-Ройал?

— По судебному, — ответил Вудворд. — Я мировой судья.

— А-а-а, — протянул Шоукомб с понимающим видом. — Вы, сталбыть, оба — люди мантии?

— Нет, Мэтью — мой секретарь.

— Это все из-за тамошней заварухи, я угадал?

— Да, ситуация вызывает определенное беспокойство, — обтекаемо выразился Вудворд, не зная, много ли известно трактирщику о событиях в Фаунт-Ройале, и не желая снабжать его дополнительными нитями, из которых он смог бы сплести историю для проезжих слушателей.

— Будьте покойны, я и так знаю всю подноготную, — заверил его Шоукомб. — Никакой это не секрет. В последние пару месяцев тут уйма гонцов носилась туда-сюда, и я от них много чего наслушался. Скажите мне только одно: вы ее повесите, сожжете или обезглавите?